

Доктор Роберт А. Петерсон, Христология, Сессия 5, Патристическая христология, Часть 4, Монофизитство и Халкидонский собор

© 2024 Роберт Петерсон и Тед Хильдебрандт

Это доктор Роберт Петерсон в своем учении о христологии. Это сессия 5, Патристическая христология, часть 4, Монофизитство и Халкидонский собор.

Давайте помолимся вместе, милостивый отец, переходя от изучения христологии древней церкви к христологии современного богословия.

Помоги нам испытать все твоим святым словом, молим, через Иисуса Христа, Господа нашего, Аминь. Мы завершаем патристическую христологию, направляясь к Собору, великому Халкидонскому Собору и его заключениям, но еще одна ересь, с которой нужно разобраться, и это монофизитство или евтихианство. Я не думаю, что я говорил вам раньше, почему мы, профессора и отставные профессора, любим эти громкие слова.

Они нам нравятся, потому что они дают нам работу, потому что мы вам нужны. Монофизитство отождествляется с Евтихием (380-456), пресвитером и руководителем монастыря в Константинополе, который был осужден в Халкидоне в 451 году. Евтихий учил, что в результате Воплощения человеческая природа Христа была принята, поглощена и слита с божественной природой, так что обе природы были изменены в одну новую природу, природу, которая теперь была своего рода божественно-человеческим композитом.

Этот взгляд также называется монофизитством, что Воплощенный Христос имел одну, Манос, природу, Фузис, а не две. Так что это делает его гибридом, ни Богом, ни человеком. Взгляд Евтихия по сути является версией слова плоть христология.

Как указывает Сандерс, для Евтихия значение двух природ, цитата, не производит третью субстанцию, в равной степени идентифицируемую как божественная и человеческая. Поскольку божественность бесконечно больше, чем человечество, результатом Евтихианского смешения природ является не равномерная смесь, а в основном божественный Христос. Хотя этот взгляд отличается от аполлинаризма, результат схож в том, что в этой новой природе мы имеем подавляющую божественность и погруженную в нее человечность.

Вероятно, более последовательно, поздние монофизиты настаивали на том, что союз двух природ привел к *tertium quid*, третьему чему-то еще, буквально, третьему чему-то, что не было ни божественным, ни человеческим. Но результатом каждой формы монофизитства является то, что Христос не является ни истинным Богом, ни истинным человеком, взгляд, противоречащий писанию и оставляющий нас с Христом, который не может искупить — Халкидонский собор 451 г., христологическое православие.

В октябре 451 года 520 епископов собрались в Халкидоне, чтобы бороться с продолжающимися христологическими спорами внутри Церкви. Большинство епископов Церкви были с Востока, только четверо с Запада, двое из Северной Африки и двое были легатами папы Льва Римского. Да, западное влияние было велико благодаря Томосу Льва, письму, написанному до Собора и включенному в Халкидонский Символ веры.

Как и в случае с более ранним Никейским Символом веры, Халкидонское определение, так называется Символ веры, оставалось центром споров на протяжении многих десятилетий. Но оно никогда не было отброшено, и, как отмечает Браун, оно стало, цитата, второй великой высшей точкой раннего христианского богословия. Оно установило непреходящий стандарт для Православия, близкая цитата, поскольку исповедовало божественность и человечность Христа в классической формулировке двух природ, одной личности.

Как таковой, он отверг все предыдущие ложные христологические взгляды и представил положительное понимание личности Христа в ряде утверждений. Он четко различал природу от личности. Коричневый В отношении личности он утверждал, что активный субъект Воплощения, «один и тот же Христос», есть не кто иной, как Вечный Сын, который единосущен Отцу и Духу, но который теперь принял полную человеческую природу, так что теперь он существует в двух природах, природах, которые не смешиваются и не изменяются, но сохраняют все свои атрибуты.

Халкидонский Символ веры, Халкидонское определение гласит, и я цитирую, в согласии со Святыми Отцами, мы все единогласно учим, что мы должны исповедовать, что Господь наш Иисус Христос есть один и тот же Сын, один и тот же совершенный в Божестве и один и тот же совершенный в человечестве, истинно Бог и истинно человек, один и тот же разумной душой и телом, единосущен Отцу в Божестве и единосущен нам в человечестве. Подобный нам во всем, кроме греха, рожденный от Отца прежде веков относительно Его Божества, и в последние дни тот же ради нас и ради нашего спасения, рожденный от Девы Марии, Богородицы, Богоносца, относительно Его человечества, один и тот же Христос, Сын, Господь, единородный, явленный в

двух природах, неслиянно, неизменно, нераздельно, неразлучно. Первые два «нет» против еutihianства или монофизитства , неслиянно, неизменно.

Вторые два против несторианства, без разделения, без разделения. Различие природ никоим образом не устраняется из-за соединения, но свойство каждой природы сохраняется и соединяется в одном просопоне и одной ипостаси, одном лице, не разделяемом и не разделяемом на два просопоперсоны , но одном и том же Сыне, единокродном, божественном Слове, Господе Иисусе Христе. Как научили нас о нем древние пророки и сам Иисус Христос, и передал вероучение наших отцов». Закрьте цитату.

Значение Халкидона и его основные христологические положения. Почему Халкидон важен? По этой причине он стремился обобщить и рассмотреть каждую проблему, которая терзала церковь в отношении личности Христа. Он стремился обуздать спекуляции, прояснить использование языка между Востоком и Западом, и как таковой он действует как защитное окончательное заявление, извините меня, и дорожная карта для всех последующих христологических размышлений.

Хотелось бы, чтобы это было так. Мы увидим, что в современный период это обычно отвергается, и то, что ставится на его место, нехорошо. Есть христологии снизу, и Иисус — всего лишь человек, каким бы великим он ни был.

Халкидонский собор выступал против докетизма , адопционизма, модализма, арианства, аполлинарианства, несторианства, монофизитства , по одному за раз. Он выступал против докетизма . Господь Иисус был совершен в человечности, мужественности, мужественности, истинно человек, единосущный, единосущный , с нами по человечности или человечности и рожденный от Марии.

Халкидон выступил против адопционизма. Он выступил за личное существование Логоса, цитата, рожденного Отцом до веков, а не человека, в которого Бог пришел и вселился и наделил силой, нет, что Бог усыновил, нет. Сын всегда был Сыном Отца, Отец всегда был Отцом Сына.

Модализм, он отличал Сына от Отца, как титулами Отец и Сын, так и ссылкой на то, что Отец родил Сына прежде веков. Арианство, он утверждал, что Господь Иисус был совершенным в божестве, истинным Богом. Аполлинаризм, он признавал, что Господь Иисус был, цитата, истинным человеком разумной души и тела, единосущным нам по Своей человечности во всем подобном нам.

Помните, Аполлинарий сказал, что Иисус принял человеческое тело, но не человеческую душу. Логос занял это место в Иисусе. Таким образом, аполлинарианство отрицает полную человечность Христа и тем самым угрожает

нашему спасению, потому что Искупитель должен был быть Богом, чтобы спасти нас, и он должен был стать человеком, чтобы спасти нас, своих братьев, если вы были, если вы хотите.

Он никогда не был только человеком, просто одним, но он стал подлинным человеком, принял на себя подлинную человеческую природу. Несторианство, оно утверждало Марию как Theotokos , Богоносицу, не для того, чтобы возвеличить Марию, а для того, чтобы подтвердить истинную божественность Иисуса и факт реального воплощения. Младенец, которого она носила в своем чреве, был Богом.

Он был Божественным эмбрионом, Божественным плодом, Божественным младенцем. Невероятно. В этом смысле она Богородица по Божьему промыслу.

Она была средством, матерью нашего Господа, как когда Мария пошла навестить своего кузена. Помогите мне здесь. Как когда Мария пошла навестить Елисавету, верно, сказала Елисавета, мать моего Господа, признавая, даже если она этого не понимала, что Мария, по благодати Божьей, была Богоносицей.

Не возвеличивает Марию и не делает ее объектом молитвы или заступничества или поклонения или почитания или чего-то подобного, но подчеркивает, что младенец в ее утробе был божественным. Халкидонское определение также говорило об одном и том же сыне и одной личности и одной сущности, не разделенной и не разделенной на две личности и чьи природы находятся в единении без разделения, без разделения. Акцент на одинаковости на самом деле утомляет, противоречит Несторию.

Монофизитство исповедовало, что во Христе две природы неслиянно и неизменно. Свойство каждой природы сохраняется и согласуется в одном лице. Халкидон был великолепным достижением.

Пять пунктов уловили суть определения. Во-первых, это сообщение, лекция о пяти пунктах, не кальвинизма, а халкидонской ортодоксии. Там есть небольшой каламбур для моих реформированных друзей.

Во-первых, Христос был истинно и совершенно Богом и человеком. Как божественность Христа, так и его человечность в равной степени сохраняются и подчеркиваются, чтобы он мог служить нашим великим первосвященником и посредником и заслужить наше спасение. Во-вторых, личность и ипостась рассматриваются как одно и то же.

При этом Халкидон проводит четкое различие между личностью и природой. Личность рассматривается как принцип сам по себе, не выводимый из природы

или как третий элемент из союза двух природ. Новая личность не возникает, когда принимается человеческая природа, и не приводит к двум личностям.

Вместо этого Халкидон утверждает, что личность воплощения — это вечный сын, вторая личность Божества. Таким образом, позже в систематике я буду учить, что непрерывность личности во Христе обеспечивается не его человечностью, а тем фактом, что он — вечный сын. Он — предвоплощенный сын, а затем он становится воплощённым сыном.

Человечество не непрерывно. Оно не существовало до воплощения. Не только божество непрерывно, но и божественный сын непрерывно.

Нет никакого божества в Нем, кроме Него. Итак, именно личность Сына принимает на себя подлинную человеческую природу. Более того, именно личность, а не природа, стала плотью.

Вот почему воплощение — это личный акт сына, который принял облик слуги, Евреям 2:7, осозанным, добровольным и жертвенным образом. Именно личность сына является единственным действующим агентом и страдающим субъектом. Означает ли это изменение в сыне? Не в том смысле, что личность сына изменила свою идентичность или перестала быть тем, чем он был всегда.

Даже будучи воплощенным сыном, он продолжал обладать всеми божественными атрибутами и выполнять все свои божественные функции и прерогативы. Тем не менее, опять же, как справедливо замечает Маклеод, и я цитирую, есть реальные изменения. Изменения в том смысле, что во Христе Бог вступает в совершенно новый спектр переживаний и отношений.

Он переживает жизнь в человеческом теле и в человеческой душе. Он переживает человеческую боль и человеческие искушения. Он терпит нищету, одиночество и унижение.

Он вкушает смерть. До и помимо воплощения Бог знал такие вещи посредством наблюдения. Но наблюдение, даже если оно является наблюдением всеведения, не достигает личного опыта.

Вот что воплощение сделало возможным для Бога, реальный личный опыт человеческого бытия. Дональд Маклеод — набожный христианин. Он говорит благоговейно этими словами.

В-третьих, человеческая природа Христа не имела собственной ипостаси (лица). Она была безличной в том смысле, что не было человека, в которого Бог пришел и в которого вселился. Человеческая природа Христа не имела

собственной ипостаси или лица, что подразумевает, что Иисус не существовал бы, если бы сын не вошел в утробу Марии.

Иисуса не было бы, если бы сын не вошел в утробу Марии. Не было бы человека, кроме этого божественного действия. Но в результате этого действия сын, который обладал божественной природой от вечности, теперь добавляет к себе человеческую природу с полным набором человеческих качеств, что позволяет ему жить полноценной человеческой жизнью.

Однако он не полностью ограничен или ограничен своей человеческой природой. Вот почему, как напоминает нам Фейрберн, отцы церкви говорили о Боге-Сыне, делающем некоторые вещи как Бог как Бог, а другие вещи как человек как человек. Один и тот же человек делал вещи, которые были подобающими человечеству, и другие вещи, которые были подобающими или даже возможными только для Бога.

Но тот, кто сделал все это, был тем же Богом-сыном. Таким образом, Иисус — это гораздо больше, чем просто человек, в котором обитает Бог-Сын. Он — Бог-Сын, живущий на земле как человек, совершающий наше искупление как Господь.

Одно из следствий Халкидона, которое, безусловно, соответствует Священному Писанию, заключается в том, что всякий раз, когда мы смотрим на жизнь Христа и спрашиваем: кто это сделал? Кто это сказал? Кто претерпел смерть за нас? Ответ всегда один и тот же. Бог Сын. Почему? Потому что это не божественная или человеческая природа действует и, таким образом, совершает вещи.

Скорее, это личность сына, действующего в и через его божественную и человеческую природу. Это сын, который родился, был крещен, искушен, преображен, предан, арестован, осужден и умер. Это сын, который пролил свою кровь за нас, чтобы обеспечить наше спасение.

Именно в Сыне удовлетворяются все праведные требования Бога, так что наше спасение в конечном итоге от Бога. Это сын, который также воскрес из мертвых и который теперь правит как царь царей и господин господ. Еще раз, Маклеод, я говорил вам, что книга Дональда Маклеода «*Личность Христа*» была моим стандартным обязательным учебником с тех пор, как она была опубликована.

Снова цитируя его, «в нем, сыне, Бог обеспечивает и даже становится искуплением, которого он требует. В нем, в его плоти, в конечности его жизни, конечности его тела и конечности его человеческого существа, Бог имел дело с нашим грехом. Он человек, но человек универсального значения, не потому, что его человечность в каком-либо смысле бесконечна, а потому, что это человечность Бога. В нем Бог живет истинно человеческим существованием».

Маклеод, *Личность Христа* , стр. 190.

В-четвертых, нет союза природ, который затемняет целостность любой из природ. В воплощенном Боге Сыне сохраняется различие между творцом и творением. Нет смешения природ или передачи атрибутов, коммуникация *idionatum* , производя некое *tertium quid*, некое третье что-то еще. Однако это не означает, что две природы просто сопоставлены, лежат рядом без контакта или взаимодействия.

Вместо этого происходит передача атрибутов, в которой атрибуты обеих природ сосуществуют в одном человеке. Вот почему в Писании можно сказать, что сын Божий во плоти может одновременно поддерживать вселенную, Колоссянам 1:17, прощать грехи, Марк 2:10, быть голодным и жаждущим, возрастая в мудрости и познании, Лука 2:52, и даже умереть. Еще раз, вот почему в Писании можно сказать, что Бог, сын во плоти, может одновременно поддерживать вселенную, Колоссянам 1:17, прощать грехи, Марк 2:10, прощать грехи так, как мы не можем прощать грехи.

Это не типа, Джек, прости, брат, не мог бы ты меня простить? Нет, это типа, мужик, грехи твои прощены тебе. И чтобы мир узнал, что сын человеческий имеет власть на земле прощать грехи, невидимое чудо. Я сделаю видимое, говорит Иисус.

Возьми постель твою и ходи. Так Он прощает грехи. Он прощает грехи, как Бог прощает грешников.

В то же время эта богочеловеческая личность, которая поддерживает вселенную и прощает грехи, становится голодной и жаждущей. Он сидит у колодца в Иоанна 4, потому что он устал от своего путешествия. Он возрастает в премудрости и возрасте и в любви у Бога и людей, Лука 2:52, и даже он мог умереть, и он умер.

Вот почему сын является субъектом воплощения во всех его действиях и опыте, вовлекая обе природы, каждую по-своему. Как Карл Барт позже выразил эту точку зрения в воплощенном Сыне: «Сам Бог говорит, когда этот человек говорит человеческой речью. Сам Бог действует и страдает, когда этот человек действует и страдает как человек. Сам Бог торжествует, когда этот торжествует как человек». *Церковная догматика* 4.2.

Пятое, сын принял на себя полную человеческую природу, которая состояла из разумной души и тела. Халкидон настаивает на том, что человечество Иисуса, чтобы быть полным человечеством, должно было быть больше, чем тело.

Она должна была состоять из полной человеческой психологии, подобной нашей собственной. Халкидон затем четко отличает человека от души, и он помещает душу как часть человеческой природы. При этом он настаивает на слове «человек» Христология, а не просто на слове «плоть» Христология.

Слово не приняло на себя просто человеческую плоть, но полную человеческую природу, состоящую из тела и души. Оно отвергает идею, что сын заменяет человеческую душу. Сын или логос заменяет ее и неявно утверждает, что Христос имел человеческую волю и разум, не сказал этого явно, что выходит позже в патристической христологии.

Как вы можете себе представить, когда кто-то этого не сделал, когда люди это отрицали, спорная теология повсюду. Она неявно утверждает, что у Христа была человеческая воля и разум, хотя это последнее утверждение не было сформулировано и формализовано до шестого вселенского собора в 681 году. Вкратце, эти пять пунктов отражают суть определения Халкидонского собора.

Хотя символ веры не идентичен Священному Писанию по авторитету, тем не менее, это утверждение, которое устанавливает основные положения, которые мы должны исповедовать, артикулировать и защищать в отношении личности Христа. Как исповедальное утверждение, оно устанавливает параметры, которые церковь должна теологизировать, чтобы точно уловить Иисуса Библии. Как утверждает преамбула Халкидона, оно было написано на фоне Священного Писания и всей святоотеческой традиции.

И как отмечает Гриллмейер, «немногие соборы были так укоренены в традиции, как Халкидонский собор, близкая цитата. Таким образом, как признает Браун, Гарольд О. Дж. Браун, цитата из определения Халкидонского собора, стал нашим стандартом для измерения ортодоксальности, где отвергается либо утверждение божественности Христа, либо его человечности. Это означает, что историческая ортодоксальность была отброшена. Символ веры Халкидона — это не теологическая программа, а скорее набор ограничений за его пределами. Теология почти неизбежно вырождается в скептицизм, неверие или ересь». «Символы веры, соборы и Христос» — так называется книга Брауна.

Однако, несмотря на это, на определение постоянно нападают, особенно со времен эпохи Просвещения. Большинство этих нападков вызвано неприятием исторического христианства и заменой его другими мировоззрениями. Однако некоторые представители церкви также критиковали его, как католики, так и протестанты.

Давайте кратко обратимся к некоторым из этих критических замечаний, поскольку мы завершаем патристическую христологию. Во-первых, некоторые

критиковали Халкидон за его зависимость от греческого философского мышления в использовании таких терминов, как *ousia* , *apostasis* , и так далее, сущность, бытие, природа и так далее, личность. Как следует из критики, из-за этого влияния библейское учение непреднамеренно было искажено, и христология свелась к метафизическим спекуляциям.

По ряду причин эта критика неверна. С одной стороны, проблема не в использовании внебиблейского философского языка, поскольку всякое теологизирование неизбежно его использует. Вместо этого проблема в том, приводит ли этот язык, из какого бы века он ни был взят, к искажению библейского языка и учения.

С другой стороны, хотя и использовались слова пятого века, Халкидон использует их совсем не по-гречески. Например, как представлено, нигде в греческой мысли не проводится различие между природой и личностью. Но церковь различала *ousia* , природу, и *apostasis* , личность, потому что этого требовало писание.

Кроме того, как пронцательно замечает Маклеод, теология Халкидона радикально негреческая. Цитируя работу Дональда Маклеода «Личность Христа», греческая теология симпатизировала идее теофаний, богов в человеческом облике, и идее божественного усыновления, в котором бог мог взять под контроль человеческую личность. Но Халкидон — это язык воплощения.

Здесь говорится о воплощении божественной личности. Здесь сам Бог вступает в земное, историческое существование, так что мы можем сказать, что этот человек — сын Божий и что в этом конкретном человеке Бог живет истинно человеческой жизнью. Это выходит далеко за рамки как теофании, так и усыновления.

Насколько я могу судить, это, сказал Маклеод, глубоко негреческая концепция, близкая цитата. Но эта критика идет дальше, утверждает Веллум , в связи с приведенным выше возражением по вопросу о том, необходимо ли продолжать использовать те же слова, которые использовал Халкидон, или мы можем перевести терминологию V века на современный язык. Вот в чем вопрос.

Возможно ли, например, перевести *apostasis* и *ousia* и метафизику, которая их подкрепляет, на более современный словарь? Теоретически большинство согласится с Маклеодом, что это возможно, поскольку он напоминает нам, что не сложнее перенести язык *ousia* , *fusus* и *apostasis* в наше время, чем, например, перенести язык Святого Павла, *morphe* , *homoïoma* и *acone*. Тем не менее, проблема перевода не проста, особенно когда люди просто не просто переводят

старую терминологию на новую, а фактически меняют значение терминов. Во-вторых, Халкидон также обвинялся в дуализме.

Кажется, что он помещает две природы рядом друг с другом в одном человеке, причем каждая природа возвращает свои собственные атрибуты, сохраняя свои собственные атрибуты, что приводит к практике приписывания некоторых аспектов существования Иисуса его человеческой природе, а других — его божественной природе, без какой-либо конкретной связи между ними. Так, например, в случае бесстрастия и неизменности Лев утверждает, и многие другие вслед за ним, что Иисус, цитата, был способен к смерти в одной природе и неспособен к ней в другой, близкая цитата. Халкидон учит, что исторический Иисус имеет своего рода двойное существование как Бог и как человек.

Как нам сделать это связным? По правде говоря, ответ на это возражение приводит нас к сути теологии о Воплощении. То, как человек отвечает на эту критику, отличает различные христологические формулировки. Достаточно сказать на данном этапе, что причина, по которой Халкидон был необходим, заключалась в том, чтобы избежать различных еретических попыток ответить на этот вопрос небиблейским образом.

На самом деле Халкидон служит предостережением и защитой от попытки преодоления дуализма. Халкидон, наряду с Писанием, держит в напряжении единство единой божественной личности, Сына, который в результате Воплощения теперь существует. Он живет, он существует в двух природах.

Писание и Халкидон отказываются смешивать двойственные природы Христа или отказываться от единства личности, действующей в этих природах и через них. Кроме того, как настаивает Маклеод, Халкидон положительно настаивает, цитата, на экзистенциальном единстве личности Иисуса. Он подчеркивает, что хотя есть две природы, есть только одна ипостась или просопон, одна личность.

Это означает, что, не претендуя на решение проблемы, подчеркивается единство, не претендуя на ее объяснение. Другими словами, оно уважает тайну. Я возвращаюсь к тому месту, с которого начал.

В Библии раскрываются две гигантские тайны: троичность Бога в единстве и две природы в лице Христа. В конце Халкидон ясно дает понять, что мы должны утверждать, как это делает Писание, что все действия Христа являются действиями личности. Он — агент всех действий, оратор всех слов и субъект всех переживаний.

В результате Халкидон не разделяет действия, слова и переживания нашего Господа между двумя естествами. По правде говоря, он стремится отдать должное библейскому представлению Христа, не разрешая дуализм в

совершенстве. Таким образом, он служит предупреждением всем тем, кто пытается это сделать.

Объяснять тайну — значит преступать. Если есть действительно божественно явленные тайны, мы делаем утверждения, мы исключаем ошибки, а затем мы уважаем наше собственное невежество и парадоксы Библии, ее тайны, ее антиномии. Я никогда не находил хорошего слова, чтобы выразить это.

В-третьих, подобно обвинению в дуализме, Халкидон часто критикуют за докетизм, несмотря на утверждение о полной человечности Христа. Откуда возникает это обвинение? Из того факта, что Символ веры утверждает, что это непредполагаемая человеческая природа без человеческой личности, то есть ипостась, то есть безличная человечность. И как следует из возражения, насколько осмысленно приписывание Христу полной и совершенной природы, включая человеческий разум и волю, если эта природа не может функционировать так, как наша, то есть не так, как наша обычно действует с человеческой личностью? Как мы утверждаем самоактивирующийся характер человека Иисуса, не порождая двух субъектов или двух лиц и не становясь, таким образом, жертвой несторианской ереси? И не является ли отрицание Халкидоном того, что у Христа есть человеческая личность, неявным признанием докетизма? В основе этого обвинения лежит осмысление человеческих ограничений Иисуса, в частности, его ограничений в знании и силе.

См. Марка 13:32, Луки 2:52, если действующим субъектом Воплощения является Божественный Сын. Я вернусь к этому позже, во время систематики, но сейчас важно помнить, что утверждение Халкидона об ипостаси не говорило о том, что в человечности Христа чего-то не хватало, вместо этого это было отрицание двух действующих субъектов Христа и, таким образом, отвержение несторианства. Не было отдельного человека. В этом суть.

В этом смысле его человеческая природа была безличной. Мне не нравится, как церковь говорит, что поскольку она никогда не была безличной, она не существовала, а затем с самой наносекунды своего существования в утробе Марии она была в-личностной в силу единения со Словом. И все же я понимаю их точку зрения, но их точка зрения приводит к этой критике, которая в конечном итоге несправедлива.

Утверждать существование человеческой личности наряду с личностью Сына означало бы, что Иисус на самом деле не был Воплощенным Сыном, а просто человеком, который был особенно дружен с Сыном. Более того, учитывая, что Халкидон использовал личность в онтологическом, а не психологическом смысле, это не отрицает полноту человеческой психологии Христа, поскольку это часть его человеческой природы. Скорее Халкидон утверждает, что

единственным активным субъектом человеческих переживаний Христа был божественный Сын, и, таким образом, произошло реальное воплощение.

Итак, нравится ли мне ипостась ? Нет, что человечность Сына была безличной. Мне это не нравится, но я понимаю, о чем это говорит. Не было отдельного человека, Иисуса, в которого пришел Бог и в котором вселился.

Нет, с другой стороны, его человечность никогда не была отдельной личностью, и она никогда не была безличной в том смысле, что с самого начала ее личность была личностью божественного Сына, который принял на себя истинную человечность. Таким образом, человеческая природа Иисуса была через дефис личной. Куда это нас теперь приводит? Э. Л. Маскелл хорошо выразился: «Халкидон — это истина и ничего, кроме истины, но это не вся истина».

Другими словами, Халкидон устанавливает параметры и устанавливает ограды, по которым сейчас происходит христологическая дискуссия. Если бы она осталась в пределах ограды, ограды. Подождите, пока не увидите.

О, мое слово. В конечном счете, только писание может служить нам окончательным авторитетом, но мы пренебрегаем Халкидонским определением на свой страх и риск. Необходимо дальнейшее размышление над писанием в свете Халкидона, и на самом деле, именно это и произошло в последующие годы церковной истории.

Халкидон не положил конец всем христологическим дискуссиям. Вместо этого он продолжил направлять и руководить дальнейшими размышлениями в свете большего количества вопросов и вызовов. На этом я завершаю свой обзор патристической христологии.

Я собираюсь сделать небольшое введение в современную христологию. Немного предыстории, и я немного выпрыгну из временного порядка, и, возможно, вы поймете, почему. Движение жизнью Иисуса.

Самым ощутимым результатом нового отношения к Библии, а именно критического, в 19 веке, а мы собираемся пойти дальше, в 18 век, чтобы быть уверенными, была сыпь жизнеописаний Иисуса, которые были произведены. 19 век в целом был охвачен драматическим возобновлением интереса к историческим вещам, а также прорывами в исторической методологии, а 18 век проявил мало интереса к этим вопросам.

Декарт утверждал, что история не обладает ни определенностью философии, ни точностью науки. Вольтер, известный как величайший историк своего времени, провел большую часть своей жизни в философии и только в конце обратился к

вопросам истории. Кант не просто не интересовался историей, он еще и обесценивал ее.

В 19 веке эти установки резко изменились. У Гегеля и Маркса история стала средством философствования. Для Гегеля она показала, как рациональные принципы, по которым структурируется реальность, были раскрыты для нашего изучения.

Для Маркса история демонстрировала те принципы, по которым определялись все общества и в свете которых можно предсказать будущее. Хотя Маркс хвастался, что поставил Гегеля с ног на голову, его высокая оценка значения истории для человеческого понимания была очень похожа на гегелевскую. Это обновление, в свою очередь, стимулировало поиск более приемлемых методов изучения, которые бы принесли респектабельность предмету.

У таких ученых, как фон Ранке, это привело к энергичному анализу исходного материала, уверенности в том, что научные методы и объективность могут быть перенесены в исторический анализ, и часто к необычайной уверенности в возможностях человеческой природы. Проблема, конечно, в том, что человеческие дела не поддаются научному анализу так же, как законы гравитации. Так называемые объективные методы, которые использовали историки-позитивисты, дали множество интерпретаций, что стало таким же позором, как если бы ученые сегодня продолжали приходить к совершенно разным выводам о том, как работает гравитация.

В то же время, однако, новый энтузиазм по отношению к истории в сочетании с новыми методами ее изучения перешел в теологию, где они были объединены в критические исследования, проводимые над Священным Писанием. Именно это перекрестное опыление дисциплин произвело жизнеописание Иисуса. Однако также важно отметить настроение, в котором эта литература процветала.

Нигде это не было выражено лучше, чем в работе Адольфа Гарнака «Что такое христианство?», опубликованной на рубеже 20-го века. Книга Гарнака была возвращена в почти трагическом чувстве, что для масс современных людей Иисус стал неактуальным. Он был для них столь же неактуален, как и эпоха, в которой он жил.

Поэтому Гарнак пытался уловить смысл христианства как идеи. Идеи, которая была реализована в Иисусе и через Иисуса, но сама по себе не была определена или ограничена Иисусом. Здесь лежала суть анализа Гарнака, и это была программа протестантского либерализма.

Христианство было историческим в том смысле, что оно сосредоточилось на Иисусе, но не было историческим в том смысле, что Иисус определил его значение. Эта формулировка была выполнена с апологетическими мотивами в надежде, что христианство, которое возникло в результате, будет легче соответствовать нормам, принятым нормам его, цитируя Шлейермахера, культурных презирающих. Однако интересно то, что Гарнак утверждал, что он пришел к своим выводам, цитируя методы исторической науки, а не как апологет или религиозный философ, которым он был, не зная этого.

Это врожденная слепота модернизма. И в континентальной Европе, и в Британии писать жизнеописания Иисуса стало модным. Среди викторианцев, говорит Дэниел Поулз, это была тема цитаты, к которой рано или поздно тянулся каждый тип писателя, набожный, радикальный, клерикальный или эксцентричный цитата.

В Европе он произвел новые, хорошо известные работы Давида Штрауса, Кристиана Вайсе, Бруно Бауэра, Эрнеста Реннана и Мориса Гогюэля среди других. В Британии исследования Дж. Р. Сили, Ричарда Хансена, Ф. В. Фаррара и Альфреда Эдершейма, консервативного, были среди наиболее широко распространенных. Альберт Швейцер был тем, кто взял на себя задачу покончить с этим движением.

Швейцер, кажется, неверующий поневоле, но он был гением с докторскими степенями в музыке, медицине и теологии, который отправился в Африку с медицинскими миссиями и в итоге поклонился творению. Я в итоге стал пантеистом. После тщательного и порой утомительного обзора работ, написанных в основном в Германии, он пришел к выводу, что авторы цитируют быстро и вольно обращаются с истинной историей, близко цитируют, вписывая в евангельские рассказы воображаемый и идеализированный образ Иисуса.

Действительно, Иисус, который появился в большинстве этих исследований, был настолько похож на либеральных авторов, которые их написали, что Швейцер заметил, что они, должно быть, смотрели в длинный колодец человеческой истории и видели свои собственные лица, отраженные на дне. Он был гением. Он также пришел к выводу, что Иисус был лжепророком.

Быть гением никого не спасает. Сравните с первым посланием к Коринфянам, не так много гениев спасены. Возможно, это превозносит благодать Божию, спасая больше простых смертных, чем гениев, которых я не знаю.

Там Иисус был «фигурой, созданной рационализмом, наделенной жизнью либерализмом и облаченной современной теологией в историческую одежду». О, боже, он хорош? Это была фигура, которая теперь «распалась на части, близкая цитата, побитая конкретными историческими проблемами», в

результате чего эта цитата стала наполовину исторической, наполовину современной. Иисус Швейцер пришел к выводу, что он никогда не сможет оправдать теологические ожидания, которые вдохновили его конструкцию.

Основная ошибка, которую обвинял Швейцер, состояла в предположении, что Иисус мог бы значить больше, если бы он был одет как современный человек, чем если бы он был оставлен таким, каким он был на самом деле. Реальное значение движения заключалось не в его исторических открытиях. Они были, в лучшем случае, минимальными.

Это предприятие было, по сути, тщательно продуманной попыткой разорвать узы традиционной доктрины, попыткой, предпринятой на основе просветительских предпосылок. История, как считалось, была ключом к реальности. Это было чрезвычайно наивное предположение, которое разбилось о твердую скалу реальности и обрело свою кончину, бесцеремонно объявленную Швейцером.

ужасный провал движения ранил теологическое сообщество. Это рана, которая до сих пор отказывается заживать. В нашей следующей лекции я начну говорить о либеральном протестантизме.

Это доктор Роберт Петерсон в своем учении о христологии. Это сессия 5, Патристическая христология, часть 4, Монофизитство и Халкидонский собор.